

Вера
Павлова

Эту трудную книгу я посвящаю моему мужу Стивену Сеймуру и нашим друзьям, скорым помощникам и молитвенникам: Анне Ивановне Квятек, Андрею и Оле Кондратьевым, Анне Бродской, Алексею Алёхину, Алле Макеевой, Алле Дехтяр, Алексею Цветкову, Алексею Гороболу, Анне Кудима, Андрею Геласимову, отцу Алексею Крылову, Александре Шатских, Алле Эпштейн, Аньке Родионовой, Брайану Синг, бабушке Розе, брату Серёже и его Оле, Бобу Никольскому и его Гале, Боре Лившицу, Борису и Тане Парамоновым, Бахыту Кенжееву и Лене Мандель, Вальжине Морт и Корочке, Володе Друку и Ире, Валентине Полухиной, Васе и Ире Стрела, Вальке Зайцевой, Веронике Долиной, Владимиру Сорокину и его Ире, Маше и Ане, Владимиру Гандельсману, Гале Ярошевской, Геку Комарову, Геннадия Александровичу Русакову, Гале Бови и Жан-Марку, Дидри Коэн, Дереку Уолкотту и Зигрид, Деборе Гаррисон, Давиду Колантоне, Елене и Рудольфу Борисовичу Баршай, Евгению и Наташе Бунимович, Илье Лайнеру, Ираиде Юсуповой, Инне Фаликс, Илье Каминскому, Ире Бяковой, Ире Корсаковой, Инне Лиснянской, Ирушке Розет и Генуле, Коле Терентьеву, Клаве Брод-

ской, Катьке Медведевой-Шлиппе, Ленке Демиковской, Лизе, Людмиле Шаповаловой и Пьеро, Ларисе Фрумкиной, Ленке Рагиной-Поникаровой, Линор Горалик, Леониду Десятникову, Лиле Скляр, Леночке Дуж, Маме, Мише Поздняеву, Маше Пукшанской, Маше Сазоновой, Наташе, Николаю Досталю и его Женечке, Насте Браудо, Натали Арутюнян, Наташке Котылевой, Наташе Анастасьевой, Наташе Уисвелл, Наталье Ривкиной, Нюсе Мильман, Олегу Дорману, Олегу Немифинскому, Ольге Симончелли и Энтони, Папе, Полине Бобко, Паше Крючкову, Паше Лемберскому, Саше Стесину, Сашке Дорману, Саше Долгину, Сабине Нарымбаевой, Саше Дубакову «Шабролю», Серёже Максютину, Свете Буяниной, Серёже Костырко, Серёже Петрову и Лариске Ангел, Серёже Коковкину, Тане Куинджи, Тане Шулика, Тиграну Мкртычеву, Филиппу Бергстрессеру, Феликсу и Вале Демиковским, Хельге Ольшванг-Ландауэр и Соне-Марусе, Чарльзу Симику и его Елене, Юре Бершидскому, Юльке Рахаевой, Юле Бабушкиной, – без которых последние годы-месяцы-дни-часы жизни Стивушки были бы ещё тяжелее.

Стихи,
дневниковые записи
и фотографии
2011–2014 годов

22 декабря 2011 года

Минуты, которые делят на до и после
время, на вне досягаемости и возле —
пространство.

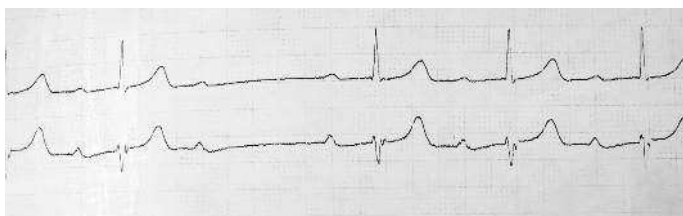
Не плачет, плачет двуликий Иньянус.

Пришёл домой от врача. Сообщил диагноз.

*Живот заболел перед Днём благодарения. Диагноз был
объявлен в Рождество. Точнее, в день Святой Люсии,
22 декабря. Самый короткий в году. Самый тёмный.
Самый страшный в моей жизни. Утром я отправила
Линоф Горалик своё жизнеописание для книги «Био-
графии поэтов, рассказанные ими самими». А днём
ты вернулся от онколога — и та жизнь кончилась. Рак
толстой кишки, метастазы в печени и в лёгком. Всё*

переменилось в мгновение ока, смахивающее первую слезу. Не похожую ни на одну из пролитых за сорок восемь лет. Детство кончилось. Каникулы кончились.

В новой жизни всё потеряло смысл. Всё, кроме любви. В новой жизни не было ссор, борьбы самолюбий, претензий, обид. Первое время в ней не было и стихов. Новых стихов. Старые – были: первая биопсия, жду в приёмной, читаю «Мудрую дуру», стишок – Отче наш, стишок – Отче наш. И – стихи всё знали. (Саша Стессин: «Это началось у Стива много лет назад»). «Станет ли диагнозом угроза, верить ли испуганной гадалке, просыпающейся от наркоза на каталке?» – писала я пару лет назад, кривясь: какая ещё каталка? И вот ты просыпаешься на каталке после биопсии лёгкого, которая, оказывается, делается под общим наркозом. Ты опутан проводами. Прибор, следящий за сердцем, испуганно пищит, врачи думают – сломался, не бывает такого пульса – то 60, то 30, сбегаются кардиологи, ты остаёшься в больнице на ночь. Это – первая в твоей шестидесятишестилетней жизни ночь в больнице.

2012

Любились, прощенья просили,
слезами друг друга кропили,
узнав результаты биопсии,
готовясь к химиотерапии,
прятались под одеяло,
и, веря, что ласка — ластик,
она его целовала
в опухольку, в метастазик.

Правды ради: ты не пролил ни одной слезинки. Зато я рыдала каждую ночь, дождавшись, когда ты заснёшь. Днём почти всегда удавалось сдержаться. В этом помогало моё изобретение – беззвучный крик: отойду в сторонку, открою рот широко до боли и мысленно ору: «Аааааа!» Помогает лучше таблеток.

– Если бы я был один, я не стал бы лечиться. Но я буду делать всё, что скажут врачи, потому что у меня есть ты.

Любились после биопсии. Любились, узнав диагноз. Любились перед первой химиотерапией. Любились во время неё, боясь оторвать контейнер, из которого лекарство два дня перекачивалось в титановую коробочку у тебя на груди. И когда медсестра, снимая контейнер, подмигнула: «Теперь ты можешь делать всё!», ты с полным основанием подмигнул в ответ: «Я уже».

Снотворное, чтобы забыться.
Поэзия, чтобы вспомниться.
Подруга, сестра, двойница,
тревог безвоздушных надомница,
возрадуйся: черепаху
вовек не догнать бегущему,
утешься: дорога на плаху
петляет по саду цветущему.

Пойте, разведёнки,
радуйтесь, кликуши:
выросли на ёлке
яблоки и груши,
свечки и конфетки,
ангелы и феи
и шелкунчик ветхий
с петелькой на шее.

Книга советов «Химиотерапия и ты», глава «Усталость», совет: «Try quiet activities, such as reading, knitting, or learning a new language». Купили пароварку и миксер (сбалансированное питание), пазл, скрэбл и шахматы (до сих пор не распечатаны) и сборник “Сто лучших песен” (поём каждый день). Сходили, надели марлевые повязки, в оперу, приняли гостей... Мы не боимся тебя, членистоногая тварь!

Голос, ты же справишься
с арией lamento?
Умирают кладбища
тихо, незаметно,
зарастают кладбища:
медуница, мята...
Западает клавиша.
Дикция невнятна.

скрипичным ключом
свернулся на дне ванны
выпавший волос

Кратеры Меркурия носят имена деятелей искусства. Самые большие: Бетховен (643 км в диаметре), Достоевский (411), Толстой (390), Гёте (383), Шекспир (370). Плюс 427 градусов Цельсия на солнце, минус 183 в тени: слава.

Сколько жизни во мне!
Хватит на десятерых.
Видимо, я была
рождена, чтобы родить
десятерых детей
и каждого выучить музыке.

Неизлечим? Мы все неизлечимы.
Но наши часовые механизмы
беззвучно тикают.
А твой — всё громче.

Заклучили договор. Теперь вместо «Я тебя люблю» ты говоришь мне «Я выздоровею».

Плохо вещунье спится,
тяжко предчувствий бремя.
Лучше взглянуть на время
в стёклышко часовщицы:
щипчики взять кривые,
чуть подтянуть пружины —
и любимые живы,
и любимы живые.

После полуденной ласки,
вся упоенье и нега,
сплю, как младенец в коляске
в день первого снега,
сплю, как младенец в корзинке
(Нил, тростник, лихолетье):
откроешь глаза — снежинки,
откроешь глаза — кувшинки,
закроешь — звёзды, созвездья...

Чёрту товарищ,
ворон-дурак,
что ты картавишь
фак-фак-фак-фак?
Камень увесист,
зорок прищур...
Кыш, горевестник,
чур тебя, чур!